

Власов В. Ф.

Олимпийские игры

В поисках 4-го измерения

18+

Владимир Фёдорович Власов

Олимпийские игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41978245

SelfPub; 2019

Аннотация

На древней земле Эллады герой романа марафонец влюбляется в золотую медалистку по художественной гимнастике, переспав перед этим с её тренером, из-за чего возникает любовный треугольник. Но в большом спорте всегда есть борьба и риск, приводящие жизнь человека на грань смерти, ибо, стремясь к победе, человек совершает трансценденцию за черту невозможного, пытаясь стать богом. Так делали древние греки на своих Олимпийских играх, так же ведут себя и наши современные спортсмены.

Содержание

Эпиграф	4
От автора	5
Часть первая. (FISIO)	8
1. В постели у богини	8
2. Советы богини	20
3. Завтрак в кафе	32
4. Старт марафонцев	40
5. Бег по древней земле	51
6. Финиш на Олимпе	63
7. Разговор с Геродотом	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Эпиграф

*Вода прекрасна на земле
И золото, как огонь, блистающий во мгле,
Средь горной роскоши сияет.
Но если состязанья воспевать
Твой глас, о сердце, призывает, —
Днем не пытайся ты искать
В пустынной области эфира
Теплее солнца звезд других,
И краше Олимпийской наша лира
Пускай не славит игр иных.
Пиндар "Первая Олимпийская ода"*

От автора

Когда уже была написана эта книга, со мной произошла история в городе Ниигата, где я работал переводчиком на VII международных соревнованиях по Экидэну района Японского моря, и где я еще раз убедился, что наша жизнь ярче и непредсказуемей самой гениальной фантазии. Я был свидетелем, как наш спортсмен, боровшийся за второе место, потерял сознание и вошел в состояние клинической смерти за 195 метров до финиша. Находясь с ним в машине "скорой помощи", я думал, что большой спорт – это риск, приводящий жизнь человека на грань смерти, ибо, стремясь к победе, человек совершает трансценденцию за черту невозможного, пытаясь стать богом. Так делали древние греки на своих Олимпийских играх, так же ведут себя и наши современные спортсмены.

Говорят, были времена, когда люди за пределами своих физических сил соперничали с богами, и даже иногда нанесли им раны в поединках. Возможно, древние боги прокляли нас за это и обрекли на вечные войны. Глядя на спортсмена, которого старались вернуть к жизни японские врачи, я вдруг подумал: "Кто знает? Может быть, этот герой вошел в общение с богами?" И еще я думал о той роли, которую женщина играет в нашем обществе, стараясь не отставать от мужчин даже в спорте. Хорошо ли это? Нужно ли женщине

заниматься спортом?

Несколько раз я ездил переводчиком с делегациями по художественной гимнастике в Канадзаву на праздник "Рэнэсанс фую-мацури", где любовался искусством наших гимнасток, и пришел к мнению, что только этот спорт подходит больше всего женщине. Впрочем, это не спорт, а танец, искусство грации и красоты женского тела. В нем нет места мужчинам, так же как не должно его быть женщинам в тяжелой атлетике, классической борьбе, боксе, футболе. И пусть мужчины будут лидерами в спорте, а женщины останутся богинями в искусстве танца. И если нет такого положения вещей, то возникает БОЛЬШАЯ ПРОБЛЕМА.

Только избегая ее, наша жизнь может быть гармоничной, и многое, придуманное не нами, останется на своих местах. Женщины перестанут стремиться стать мужчинами, а мужчины женщинами. Ведь Бог нас создал такими непохожими друг на друга по каким-то своим соображениям, и не всегда следует преодолевать границы недозволенного в нашем физическом мире. Стоит задаться вопросом, почему наше общество последнее время так быстро наполняется гомосексуалистами, лесбиянками, трансвеститами и прочими монстрами вроде "мистер-леди".

Как бы там ни было, но в этой книге я хотел бы изложить свою точку зрения на природу вещей, угадать, откуда мы приобретаем наш характер, и как мы связаны с небом, где боги лепят и обжигают нас подобно горшкам, а все воз-

можные схожести с определенными лицами прошу считать случайными, и не судить меня строго.

Часть первая. (FISIO) ОЛИМПИЙСКИЙ ДНЕВНИК ОДНОГО МАРАФОНЦА

1. В постели у богини

Болван! Какой же я болван! И как меня угораздило сюда забраться! В постель к олимпийской чемпионке! Где же мои клятвы, что я никогда не спутаюсь ни с одной спортсменкой. Вот так я придерживаюсь своих принципов. И сна нет ни в одном глазу, как же мне дождаться утра, ночь такая длинная. Может быть, тихонько встать и уйти на цыпочках. Но нет. Это невозможно. Она не поймет. А, в конце концов, мне на все наплевать. Подожду еще немного, пока она уснет крепким сном. У входа на стуле я оставил свою одежду, свалил все в кучу, раздевался в темноте, второпях, спешил. Куда, спрашивается, спешил? Сейчас будет трудно разобраться, где что лежит. Ведь и вломился я к ней, когда в гостинице погас свет. Вероятно, грозой выбило где-то трансформатор. Молния блеснула, и враз все потухло. Это я хорошо видел, так как стоял у окна в коридоре около лифта. Молния ударила в землю, и сразу же везде погас свет. А потом громынуло, и я пошел по коридору в свой номер, а тут она, види-

мо, испугалась. Открыла двери и почти силой затащила меня в номер. Нет, конечно, я преувеличиваю, никакой силы не применялось, просто она сказала: "Молодой человек, мне страшно, вы не побудете со мной пару минут?" Эта пара минут растянулась уже на добрые три часа. Какое там, на три, уже на все четыре. Черт, в темноте на циферблате не видно часов. А еще говорят, часы фосфоресцирующие. Делают у нас всякую дрянь. Какой же сейчас час? Не знаю. И зачем я к ней пошел? Спал бы себе в номере сейчас спокойным сном и видел сны, как все нормальные люди. Она, наверное, вдвое старше меня. Говорит, что была чемпионкой Олимпийских игр двенадцать лет назад. Сейчас ей, по-видимому, уже за тридцать. С такой старухой у меня впервые в жизни. Я даже лица ее не рассмотрел в темноте, может быть, уродина, каких еще свет не видывал. Вот уж верно говорят, что в темноте все кошки серы. А сейчас мы лежим оба голые в одной кровати. Чужая женщина, у нее, наверное, и муж есть. Что-то об этом она мне ничего не сказала, хотя я ее и спрашивал. Как-то она ловко ушла от этого разговора. А тело у нее стройное, и мужиков, видимо, у нее перебивало видимо-невидимо. Спит, как ни в чем не бывало, свернулась калачиком, ноги подогнула, ладонь положила под щеку, лежит, ну, совсем как маленькая девчонка. А ноги у нее сильные и длинные, ягодицы упругие. Сразу видно, что каждый день занимается зарядкой. Руки мускулистые, как у мужика, а грудь пышная. Когда она забралась на меня, то мне показалось, что лежу

под стальной опорой, так напряглись ее мышцы, а вот груди было приятно сжимать, они мягкие. Искусная в сексе, зажигательная, не то, что мои сверстницы, развалятся, как бревна, и еще чем-то недовольны. Не скажу, что мне с ней не понравилось. Женщина – что надо. Все разнообразие для практики. Но сколько же сейчас времени? И как мне уйти, чтобы она не проснулась. Мне самому не мешало бы выспаться перед стартом. После такой ночи, как пить дать, проиграю. К финишу ноги нальются свинцом, если вообще не сойду с дистанции. Марафон – это не шутка, а бесконечно тянущаяся дорога, и чем ближе подходишь к ее концу, тем меньше остается сил порвать грудью заветную ленточку. Вечером черт дернул меня еще почитать на сон грядущий "Одиссею" Гомера. Ну, как же, попасть в Грецию на Олимпийские игры и не знать Гомера, это же непростительно для нормального человека. Обычно такие книги в стихах навевают на меня только скуку, а тут весь сон как рукой сняло. Завтра побегу по дорожке, ведущей на Олимп. Как это говорят? Все дороги ведут в Рим. Но не все дороги приводят на Олимп. Как же это там было сказано? Ах, вот:

"...Путь к водоемам от стен городских утомительно долг".

*Так вот сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладнос-*

ный,

*Где не подъямлет метелей зима, где безоблачный воздух
Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проник-
нут;*

*Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши спортсмену совет свой, туда улетела Афина.*

Вот что, значит, иметь хорошую память. В такие минуты можно прекращено коротать время. Стоит только вспомнить какой-нибудь отрывок из стихотворения. Интересно, моя ночная подруга похожа на Афину Палладу? Она – тренер. Тренирует нашу сборную по художественной гимнастике. Уж, конечно, для своих девчонок она – Афина Паллада со своими ценными советами. Уверен, что на этих играх одна из ее гимнасток станет чемпионкой мира. Наверняка, ею будет серебряная медалистка. Как же ее фамилия? А вот на фамилии у меня память плохая, парадокс. А зовут ее, кажется, Екатерина. Видел по телевидению ее выступление, такая длинноного-черноокая, ничего себе девочка, симпатичная красотка, но я бы не стал с ней ложиться в одну постель. К тому же, кажется, что она еще несовершеннолетняя. С ней по-том греха не оберешься. Зачем мне неприятности? Уж лучше с такой, как эта, по крайней мере, она сама затащила меня в свою постель. Как это там?

Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время

*Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши,
За руку взял и по имени назвал ее, и сказал ей:
"Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;
Муж твой Гефест далеко; он на остров Лемнос удалился,
Верно, к суровым синтийям, наречия грубого людям".
Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Киприда.
Мало-помалу и он, и она уснули...*

И все же меня начинает одолевать сон. Это, наверное, все же от стихов. Вот что значит стихи. Действуют как усыпляющее средство. Сосну-ка часок возле своей Афродиты. Так кто все же она? Афина Паллада или Афродита Киприда? Ладно, утром разберемся. Я даже ее имени не знаю. Нет, кажется, она что-то говорила. Ах да, вспомнил. Ее зовут Татьяна Викторовна. Да, Викторовна, это точно, от слова Виктория – Победа. Значит, она и есть Афина Паллада... Не ошибиться бы... А я, значит, Арей, бог войны... Нужно было ей сказать, что завтра у меня соревнование... Нет, уже сегодня... Набраться бы мне сил перед завтрашней, нет, уже сегодняшней битвой...

"...Спи, ни о чем не тревожась; несносно лежать на постели,

*Глаз не смыкая; твои же напасти кончатся скоро",
С этими словами богиня ему затворила дремотой
Очи, потом на Олимп улетела. И всех усладитель*

*Наших тревог, разрешающий сладко усталые члены,
Сон овладел им...*

Какое чудо! Я сплю, даже вижу сон. Что же это за сон такой? Блещет все золотом, серебром, янтарями, слоновою костью; Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель. Что за богатство! Как много всего! С изумленьем смотрю я... Неужели я попал на Олимп? Уму непостижимо! Похоже на декорации в театре. Такой роскоши я в жизни не видел... Что происходит? А-а, понимаю. Сейчас поднимется занавес и начнется спектакль. А что я делаю на сцене? Я же не артист, а спортсмен, и мне нужно завтра выступать за сборную России. Марафон, это вам не шутка в деле. Какая роскошная кровать стоит в конце сцены, покрывало на ней выткано золотыми нитями. Может быть, это и есть кровать Зевса, владыки Олимпа. Надо же такому присниться. Что-то меня колотит. Что это еще за волнение? Боюсь подойти к ней ближе. Такое предчувствие, как будто что-то должно произойти. А, может быть, все же развалиться на ней и хоть раз в жизни почувствовать, как спит сам Зевс, властитель Олимпа. Вот так сон! Во сне вижу, как я сплю. Это получается сон во сне. Присяду-ка я на краешек этой постели. Вот что значит устал. Не нужно мне было входить в комнату той женщины. Ба! Да я вижу, что она и здесь лежит на этой постели. Как я ее раньше не заметил? Неужели у меня все с ней повторится с самого начала? Но нет уж, спасибо! У меня больше нет

сил, и так она меня измахратила до потери чувств, выжала, как спелый лимон, всего. Может быть, мне спрятаться за занавеску и со стороны понаблюдать, что будет происходить дальше, если к ней, конечно, кто-то придет. Вот будет забавно наблюдать сцену любви Зевса с Викторией-Победой. Но что это? Открывается занавес? Ах! Поздно уносить ноги... Вдруг сети хитрой Гефеста работы, упав, их схватили с такою силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом; скоро они убедились, что бегство для них невозможно... Занавес поднялся... Оказывается, все боги Олимпа собрались за ним. Не пошевелить ни рукой, ни ногой. Вот влип в историю.

Спектакль начался, а я, значит, вместо артиста. Нет, мы так не договаривались. Я пытаюсь высвободиться, но напрасно, связан по рукам и ногам. А она еще лежит со мной рядом совсем голая... Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился в дом свой Гефест многоумный, на обе хромающий ноги: Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил. В дом свой вступивши с печалью милого сердца, поспешно двери Гефест отворил... Как я ошибся, думал, что лег на кровать Зевса, развалился, как ненормальный, и попал в ловушку самого Гефеста, а с ним шутки плохи, руки у него все в буграх от мускулов, сразу видно, занимается кузнечным делом, с таким лучше не связываться, не успеешь и глазом моргнуть, как он шею тебе свернет. ...и душа в нем наполнилась гневом; громко он начал вопить, чтоб его все

услышали боги:

*"Дий вседержитель, блаженные, вечные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть..."*

Но они итак уже все собрались, стояли за занавеской и ждали только момента, чтобы я, пинтюх, недоразвитый, уселся на эту проклятую кровать. Видно, решили позабыться. Скуки ради. Все равно им на своем Олимпе делать нечего. Но мне-то, положим, не до смеха. Хотелось бы увидеть кого-нибудь из них на моем месте...

*"Как надо мной, хромоногим, Зевсова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,
Здесь сочетались..."*

Так значит, она все же Афродита, а я вначале думал, что она Афина Паллада. Вот влип. Это ж надо такое отмочить, улечься с замужней женщиной и быть застуканным мужем. Со мной такого еще не случалось. Как же выпутаться? А что если мне их обмануть, уверить всех, что это не жена Гефеста, а Виктория-победительница, с которой я лег переспать, чтобы в завтрашних соревнованиях она принесла мне удачу. В конце концов, если они будут настаивать на своем, скажу, что просто ошибся дверью и лег в постель не с той женщиной, я даже ее лица не видел, не разглядел в темноте. Это

выход. В этом мое спасение. Итак, буду утверждать, что она Афина Паллада...

"...Конечно, красавец и тверд на ногах он;

Я ж от рождения хром – но моею ль виною? Виновны

В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?

Вот посмотрите, как оба, обнявшись нежно друг с дру-

гом,

Спят на постели моей. Несказанно мне горько то видеть.

Знаю, однако, что так им в другой раз заснуть не удаст-

ся;

Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к тако-

му

Сну в них теперь уж пропала...

– Но позвольте! Вы утверждаете, что я лежу здесь с вашей супругой? Но вы в лицо загляните ей, чтоб не ошибиться, – как умея, стал я подыгрывать обманутому мужу, пытаюсь попасть в такт его интонации. – Я ж утверждаю, что это не ваша супруга Киприда. Нет ей здесь места. Лежу я с Афиной Палладой.

Боги воззрились на нас, как на новые врата бараны, только во сне им способно такое присниться, чтобы Арей, отрицая так нагло бесстыдство в постели, нос им нахально утер своим замечанием. Мне уж теперь ничего терять не осталось, я ведь и так предстал пред их очи своей наготой, где там, стыдли-

во просить у них к себе снисхождения, лучше уж сразу боднуть их своими рогами. Тут мне Гефест отвечает с тайной надеждой:

*"Воля твоя, посмотрю ей в лицо, если хочешь,
Только запомни, сетей не сниму я доколе,
Не убедюсь, что не спишь ты с моею женою".*

Снял покрывало с лица ей Гефест дрожащей рукою, глянул, и враз лицо просияло его, озарилось улыбкой, боги ж все подняли на смех его своей дерзкою шуткой:

*Это ты так хранишь верность своей дорогой Афродите?
Как оказаться смогла в постели твоей Афина Паллада?
Или твоя хромота не мешает уж больше твоим похаживаньям?*

*Как отнесешься, ревнивец, теперь ты к своей Афродите,
Если застукаешь вновь ее с нашим бесстрашным Ареем,
Самым быстрейшим из вечных богов, на Олимпе живущих?"*

Я же лежать продолжал на постели с богиней Афиной, плотно привязанный к ней золотыми сетями, слушая шутки и смех несказанный богов-олимпийцев, глядя друг на друга, так меж собой рассуждавших: "Как не хромал наш Гефест, но сравнился с Ареем, самым распутным из всех нас богов на

Олимпе живущих, вот и в постели его мы женщин находим, там, где должна возлежать золотая Киприда". К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса: "Искренне мне отвечай, согласился б ты дома, кроме жены, делить свое ложе с другою богиней, если б тебе довелось, как Гефесту, скрывать все?" Зоркий убийца Аргуса отвечал так Аполлону: "Если б могло то случиться, о, царь Аполлон-стреловец, то не позволил бы я поднимать вокруг ложа скандала, чтоб обнаружить в нем спящей другую богиню". Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный. Но Посейдон не смеялся, чтоб выручить бога Гефеста, так он сказал, к кузнецу обратившись хромому: "Дай им свободу, раскуй их быстрее, и забудем то, что нашли мы в постели твоей ненароком, нам повезло, что богини остались дома, некому будет трепать твое славное имя, мы же все будем молчать, а твоя Афродита будет в неведение впредь пребывать. Все согласны?" Боги кивками согласие свое подтвердили. С этим согласием ослабила цепи Гефестова сила. Я и богиня Афина моя того только ждали. Быстро вскочив, улетела богиня на небо, нежно меня одарив приветной улыбкой...

*...Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,
В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сомну...
Я ж остался один, все как будто пропало в тумане.
В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
Теплой к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обра-*

тился.

Нежно из сна меня вывели боги Олимпа...

2. Советы богини

Вначале пытаюсь сообразить, где я. Сквозь задвинутые шторы на окне пробивают розовые лучики зари. Значит, гроза прошла, дорога подсохнет, бежать будет легче. Быстро восстанавливаю в памяти отрывки прошлого вечера и ночи. Я и Афина Паллада. Нет, не то. Татьяна Викторовна. Она лежит рядом со мной на спине, лицо ее повернуто в сторону окна. Я вижу мочку ее уха с золотой сережкой и завитки светлых волос на виске. Простыня облегает ее пышную грудь, подтянутый живот и стройные ноги. Непроизвольно мой "maître de plaisir" начинает расти и увеличиваться вширь. Все мои попытки с ним совладать напрасны, он и слушать ничего не желает, его головка превращается почти в стальной шлем. Мои движения не остаются незамеченными, женская рука, высвободившаяся из-под простыни, ложится на его головку:

– Это мне нравится, – произносит она и поворачивается ко мне.

У нее светлые глаза, как у Афины Паллады, и тонкие губы, на которых играет улыбка. Ее лицо до сих пор хранит следы былой красоты. Нет, она ничего, зрелая женщина, яблоко в соку. Жаль, что с вечера я не имел возможности видеть ее лица, наша любовь была бы более предметной и содержательной. А так, вслепую, получилось, как будто зани-

мался сексом с абстрактной идеей.

– Ты ночью говорил какие-то стихи, неужели ты поэт?

– Да нет, начитался вчера всякой дури.

– Это какой же?

– Гомеровой "Одиссеи".

Ее рука скользит выше моего живота и задерживается на груди, от прикосновения к соску по всему моему телу пробегает дрожь.

– А ты забавный, – произносит она.

Не в силах больше себя сдерживать, я набрасываюсь на нее, как тигр на разомлевшую лань, и минут на тридцать номер наполняется ее стонами. Затем мы, пресыщенные и усталые, некоторое время лежим без движений, откинувшись на спину. Наши сердца мечутся так учащенно, что похожи на двух запертых в клетке птичек, готовых вырваться на волю и упорхнуть в открытое небо. Затем она гладит меня по прилипшим ко лбу волосам и говорит:

– Ты молодец, из тебя так и пышет потенция, а тебе-то со мной хорошо?

– Лучше не бывает.

– Спасибо. Между нами могли бы возникнуть хорошие дружеские отношения.

– Я не против. А как же твой муж?

По ее лицу пробегает судорожная тень – нечто среднее между досадой и зубной болью.

– Сейчас у меня нет мужа.

– Так значит, ты свободна?

– Да, мы можем встречаться. Что ты сегодня делаешь?

– У меня сегодня старт.

– Глупенький, что же ты молчал раньше, я хотя бы утром тебя пожалела. Как же ты побежишь?

– Как смогу.

– Тебе же нужно вырвать победу.

– Нужно.

– Иди, прими теплую ванну и ложись ко мне, я тебе сделаю массаж.

Я сбрасываю простыню, встаю с кровати и направляюсь в ванную. Там на полотенце-сушителе висят ее трусики, стеклянная полка вся заставлена косметикой, на раковине на боку лежит открытая бутылочка. Струйка лака, вытекшая из нее, затвердела подобно вулканической лаве и оставила розовый след до самой воронки. По-видимому, когда грянул гром и вырубился свет, она собиралась красить ногти. Значит, наше слияние и для нее было неожиданностью. Грянул гром, и два тела оказались в одной постели. Вот уж поистине любовь, как гром среди ясного неба. А ее можно любить, с ней просто и приятно...

Я навожу ванну и погружаюсь в теплую воду. Блаженство растекается по моему телу, на полке нахожу гостиничную одноразовую бритву и зубную щетку с маленьким тюбиком пасты. Брею щетину на щеках, тщательно чищу зубы, из ее флакона лью на голову душистый шампунь. Затем натираю

волосы до образования пены, этой же пеной мою подмышками и вокруг своего "мэтра". Прикосновение к нему доставляет мне особое удовольствие, он опять растягивается до огромных размеров. Нет, все, с этим делом нужно повременить хотя бы до вечера. Зачем возбуждать себя понапрасну, так можно превратиться в раба своего "мастера удовольствий". Нужно укрощать свои страсти. Я встряхиваю головой, как мокрая собака, чтобы вместе с брызгами сбросить с себя наваждение, и опять сожалею, что не очень хорошо выспался. А впереди – старт. Но как здесь с ней укрощать страсти и пребывать в спокойствии? С этой зажигательной женщиной. И это происходит потому, что она все может. Таких я еще не встречал, она в постели подобна богине. Недаром мне приснился сон с ней, как с Афиной Палладой. Из комнаты слышится ее голос:

– Долго не лежи в ванне, а то это расслабляет. Я встаю из воды, быстро вытираюсь полотенцем и выхожу к ней голым, не ощущая никакого стыда, мне с ней очень просто. Она смотрит на меня оценивающим взглядом и произносит:

– Телом ты похож на Аполлона, но красотой – больше на Париса.

Мне приятно слышать эти слова, хотя они меня немного смущают.

Я ложусь рядом с ней на живот, но она просит меня перевернуться на спину, затем, не говоря ни слова, нагибается к моему "мэтру удовольствий" и целует его в макушку. От та-

кого внимания он делает стойку и приводит меня в бешеное возбуждение. Я смотрю на ее склоненную над ним кудрявую голову и вдруг ощущаю, как он погружается во что-то мягкое и уютное, дрожь пробегает по всему моему телу, завитки ее волос приятно щекочат мне живот, несколько раз она проделывает потрясающие движения головой, затем я вижу ее смеющиеся глаза, и она говорит мне:

– На этот раз хватит. С ним у тебя все в порядке. Ты быстро восстанавливаешь силы и собираешь в себе энергию. Сейчас ее нужно разогнать по всему твоему телу, чтобы оно наполнилось силой. Ложись на живот и расслабься, сейчас я тебе сделаю массаж.

И ее нежные сильные руки начинают разгонять кровь по всем моим мышцам. Меня охватывает чувство такой легкости, как будто я воспаряю в небо и плыву среди теплых облаков. Я смыкаю веки и полностью отдаюсь этой неге. Так проходит четверть часа, после которой я ощущаю приток такой силы и легкости, что кажется, способен одним прыжком взлететь на этот божественный Олимп. Я переворачиваюсь на спину, и, подобно младенцу, только что появившемуся на свет, пробую потянуться. Никакой усталости, как будто и не было ночи, проведенной в любовных утехах. Она смеется.

– Но это не все, – говорит она, – физически ты вполне подготовлен к победе. Ты собрал в себе достаточно энергии. Но этого мало. Тебе нужно психологически настроиться на победу. Мой муж занимался восточной философией и учил

меня концентрации. Он многое дал мне, как участнице соревнований и как тренеру. Своих девочек я всегда настраиваю на победу по его методике, которая приносит нам всегда удачу.

– Вы давно расстались с мужем? – спрашиваю я.

И опять я вижу в ее глазах боль и уже раскаиваюсь, что задал этот вопрос.

– Пять лет назад, – отвечает она чуть дрогнувшим голосом, но потом берет себя в руки и продолжает:

– Он исчез после пожара на даче.

– Сгорел?

– Его труп не нашли. Не знаю, может быть, он отправился на небо. Все произошло как-то дико и нелепо.

Некоторое время она молчит. Ее взгляд, как бы тускнея, углубляется в свои неприятные воспоминания.

– Извини, – спешу я отвлечь ее от болезненного прошлого. – Я не знал этого. Иначе бы не спросил.

– Нет, ничего, – спокойно отвечает она и продолжает. – Он был непростым человеком, намного старше меня, умница. Своей ученостью походил на кентавра Хирона, считал себя неуязвимым. А в результате – такая глупая и жуткая смерть. Ты имеешь представление о трассе пробега?

– Относительно.

– Это плохо. Постарайся перед стартом ознакомиться с ней.

Мысленно пробеги этот путь. Для тебя он должен стать

дорогой на Олимп. Ты меня понимаешь?

– Вполне.

– Представь себе дорогу, ведущую на Олимп, в небо, туда, где смыкаются земля и небо.

– Дорогу к горизонту?

– Вот именно. Как говорил мой муж, там земля не может быть широкой, а небо быть высоким, солнце и луна не могут не двигаться, потому что они получают движение от пути. Человек следует законам земли. Земля следует законам неба. Небо следует законам пути, а путь следует самому себе. Ты должен это помнить во время движения, и никогда не прекращать свой путь.

– А когда я устану?

– Мой муж в таком случае говорил, кто не соблюдает пути, гибнет раньше времени. Представь, что если ты остановишься, то умрешь в ту же минуту. Запомни, что движение – твоя жизнь.

Ее глаза осветились каким-то внутренним светом. В эту минуту мне казалось, что она не видит меня.

– Не стремись к победе, учил он меня, победа сама тебя найдет. Древние герои понимали, что путь нужно пройти с радостью. Поэтому они радовались и в беде, радовались и при удаче. Их радость не зависела ни от беды, ни от удачи. Поэтому победа их настигала неожиданно. Когда ты будешь бежать по очень длинной дороге (а я знаю, что длина ее составляет более сорока километров), представь себе, что ты

маленький сгусток энергии, управляемый небом, ведь и сама земля управляется небом, так как небо создает форму, такую, как ты и как земля, и нет ничего сильнее небесного движения. Если ты почувствуешь себя частичкой неба, то никакие трения земли и ее законы тебя не остановят, ты просто взлетишь на Олимп.

– Но если я все-таки выбьюсь из сил, устану так, что не смогу передвигать ноги?

– Как-то мой муж открыл мне тайну, как из человека превратиться в бога, стать неуязвимым для усталости и неподвластным никаким законам земли. Зная ее, может быть, он стал олимпийским небожителем. В этой своей энергетической субстанции он живет сейчас и даже временами общается со мной.

Я удивленно открываю рот от такого заявления и вначале думаю, что она меня разыгрывает. Но потом понимаю, что она говорит серьезно. Неужели она знает такое, что способно нас, простых смертных, вывести из всех земных измерений, освободить от законов тяготения, инерции и прочих физических явлений, превратить в богов или в подобие духа. В это самое мгновение я пугаюсь, боясь внезапно умереть, так и не познав секретов бытия и его перехода в другие состояния. Она смотрит на меня полунасмешливо-полусерьезно, поправляет взмахом руки прядь волос, упавшую на лоб, и продолжает:

– Тайна эта заключается в том, чтобы человек проник в

свою энергию, как бы растворился в самом себе, ощутил пустоту самого себя изнутри и стал духом. Внутренняя пустота – это готовность человека к полноценному восприятию небесного движения, после чего само небо направит свой путь в эту пустоту. Человек прекращает быть человеком, он становится бессмертным небожителем. Его физическое тело превращается в духовную форму. И если ему удастся сделать еще один шаг и сконцентрировать свою духовную форму в единую интеллео-субстанцию, то он превращается в настоящего бога и может очень легко покинуть свою земную оболочку и вознестись подобно ангелу в небесные чертоги.

– На Олимп?

– Если ты этого пожелаешь, то на Олимп.

Я еще ни разу не встречал такой умной женщины. В ней и в самом деле есть что-то от богини. Слегка ошарашенный, я сижу на ее постели и чувствую полную свою неполноценность. После физического и духовного подъема я вдруг испытываю неуверенность, как школьник, решавший во сне задачи по высшей математике и вдруг пробудившийся и неспособный понять простое уравнение. Видя мое обалдевшее выражение лица, она улыбается и подбадривает:

– Не дрейфь. Все у тебя получится.

– Но как мне войти в свою внутреннюю энергию? Как мне оказаться внутри самого себя?

– Хочешь, я пошлю тебе в помощь моего мужа? И он приведет тебя к победе.

– Как это? – удивляюсь я.

– Он будет сопровождать тебя к финишу. Я могу попросить его об этой услуге. Он мне еще никогда не отказывал.

По спине у меня пробегает холодок. Я уже не знаю, как мне на нее смотреть, как на пересмешницу или на сумасшедшую.

– А если ему не понравится, что я провел эту ночь в твоей постели? Что будет тогда?

– Ничего не будет. Мой муж, стрелец, и сам не всегда был мне верен.

Я начинаю ее побаиваться. Это, вероятно, становится видно по моему выражению лица.

– Да успокойся ты, – смеется она. – Я пошлю с тобой в путь не его самого, а только его душу. И он научит тебя всему.

– Но разве такое возможно?

– Еще как возможно. Он всегда помогает мне на соревнованиях. Стоит мне о нем подумать, как он начинает мне подсказывать, и я избегаю ошибок.

– Кто начинает подсказывать?

– Мой муж, олимпийский бог. Иногда на ментальном уровне мы ведем с ним целые диалоги.

– Но это же ненормально! – восклицаю я.

– Возможно. Но это помогает достижению цели. Когда страстно желаешь победы и видишь, что до нее осталось подать рукой, но в последнюю секунду она ускользает от тебя, то будешь готов пойти на сговор хоть с самим дьяволом, а

тут всего-навсего мой муж.

– И чему же он тебя учит в такие минуты?

– Он учит тому, чему учат древние: прегради свой обмен, затвори свои врата, притупи свою остроту, освободись от своей разделенности, сгармонируй свой блеск и воссоедини свои пылинки.

– Так просто?! – с сарказмом восклицаю я. Она смеется.

– Все это не очень просто, – отвечает она. – Но главное – захотеть подняться на Олимп.

Легко сказать. Я ей благодарен за практические советы, но все же не могу отделаться от ощущения, что ее слова отдают какой-то мистикой, тем более, когда она, как помешанная, начинает говорить о своем покойном муже. Разве может человек проникнуть в самого себя и перейти в ничто? Это же фантастика. Превращение человека в бога. Ерунда какая-то.

По-видимому, она чувствует мои сомнения, потому, что с ее губ исчезает улыбка, и она замечает вполне серьезно:

– Нужно верить в то, что делаешь, иначе ничего не получится.

– Постараюсь поверить, – произношу я покорно.

– Вот и прекрасно. А сейчас нужно вставать и привести себя в божеский вид. До завтрака я должна еще провести с девочками тренировку. Вечером приходи ко мне.

Я вскакиваю с постели и быстро начинаю одеваться. В ворохе своей одежды, оставленной на стуле у двери, нахожу трусы. Натягиваю их и пытаюсь одну ногу всунуть в трико,

но из-за спешки попадаю не в ту штанину. Она смеется.

– Кандидат в бессмертные не должен суетиться, – замечает она, – иначе он выглядит смешным.

Я выдавливаю на лице подобие улыбки и продолжаю одеваться. Затем киваю ей головой и направляюсь к двери.

– Ты меня не поцелуешь? – спрашивает она, когда я уже берусь за ручку двери.

Я возвращаюсь к ней, лежащей голой во всю ширину кровати, и целую ее в щеку, она же притягивает меня к себе и целует в губы. От нее исходит утренняя свежесть. Я вновь ощущаю, как волнение пробегает по моим членам и концентрируется на моем "мэтре". Еще минута и он поднимет голову. Она отталкивает меня от себя и произносит:

– Иди, желаю победы.

3. Завтрак в кафе

Я выхожу из ее номера и носом к носу сталкиваюсь в коридоре с ее серебряной медалисткой, огромные черные глаза которой становятся еще больше. По-видимому, она собиралась постучать в номер своего тренера в тот самый момент, когда я открыл дверь, и не ожидала моего появления. Ее взгляд скользит на номерок на двери, затем – на меня, она смущается и здоровается. Я ей отвечаю тем же и прохожу мимо, как ни в чем не бывало. В своем номере я валяюсь на не разобранную кровать и беру с ночного столика "Одиссею" Гомера, открываю на первой попавшейся странице и тыкаю пальцем в стих, надеясь, что Гомер может предсказать мое будущее. Там стоит фраза:

*"Милости просим, отец иноземный; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен, – но, верно, во всех ты искусен, —*

*Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.
Путь для тебя уж теперь недалек..."*

В это время раздается стук в дверь и входит мой тренер Николай Саныч, старая перечница, ему остается два года до

пенсии. Пять лет он меня тренирует, но еще ни разу мы с ним не занимали первого места. Он смотрит подозрительно на мою не разостланную кровать и замечает:

– Где это ты всю ночь шлялся? Я пожимаю плечами.

– Час назад я заходил, тебя не было, ты пропустил тренировку.

– Но сегодня же соревнование.

– Вот и нужно было немного размяться. Андрей уже сделал пробежку.

Он нам никогда не дает пощады. Возможно, поэтому мы с Андреем никогда не выигрываем. Подойдя к ночному столику, Николай Саныч берет в руки книгу, читает заглавие и с раздражением бросает ее на прежнее место.

– Что-то я не уверен, что ты придешь сегодня первым, – замечает он с язвительной ноткой в голосе, глядя в окно.

– А я в этом уверен, – отвечаю я ему почти с вызовом.

– Ну-ну, я вижу, ты, как всегда, очень самонадеян.

Он стоит еще минуту у окна, смотрит на море, переваливаясь с пяток на носки и с носок на пятки. Я молчу. Затем он поворачивается и идет к двери, роняя на ходу:

– Посмотрим, сегодняшней день покажет, на что способен наш умник. Не опаздывай на завтрак.

После его ухода я подхожу к окну и тоже смотрю на море. Солнце уже поднялось над горизонтом и играет бликами на ослепительной водной дорожке. Впервые перед соревнованиями я не испытываю никакого волнения, напротив,

несмотря на ворчливый тон Николая Саныча, меня охватывает радостное чувство нарождающегося дня и уверенность, что я сделаю все возможное, чтобы прийти к финишу первым. И еще я думаю, если бы у меня тренером была Татьяна Викторовна, то чемпионом мира я был бы уже на прошлых Олимпийских играх.

Некоторое время я пытаюсь сосредоточиться на чтении, но мне это не удается. Я выхожу в коридор. Недалеко от моего номера прямо на полу лежат четыре девушки-гимнастки с поднятыми вверх ногами. Среди них – черноокая медалистка. Татьяна Викторовна стоит рядом с ними в белом гостиничном халате и наблюдает за разминкой. Прижимаясь к стене, я прохожу мимо и здороваюсь со своей ночной матроной. Она кивает мне в ответ с улыбкой. Я ловлю на себе хлесткий, как бич, взгляд моей утренней черноокой спортсменки, лежащей на полу. Ее взгляд меня смущает. Я подхожу к лифту, нажимаю кнопку вызова и жду, не оборачиваясь. Когда лифт останавливается на моем этаже, я вхожу в него и смотрю, что делается за моей спиной. Мой взгляд опять натывается на ее черные очи. Она сидит в позе лотоса, обхватив свою длинную правую ногу, поднятую вверх. Двери лифта закрываются, и я спускаюсь в холл. Отдав ключи от номера толстому дежурному греку, который приветствует меня своим неизменным: "Good morning", я выхожу из гостиницы.

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, но сверка-

ющая дорожка на море все еще остается. Я подхожу к воде. У моих ног плещутся волны Эгейского моря.

Задумчиво я смотрю на дорожку, ведущую к солнцу. Она похожа на дорогу на Олимп. "Ярче всех звезд солнце, и оно одно на небе сияет, затмевая собой все звезды. Так и чемпион мира единственный в своем роде. Могут быть сильные и достойные спортсмены, но только он один, чемпион, сияет среди них несравнимым блеском. И вряд ли кто-нибудь может сравниться с ним, ставшим среди них первым". Я бросаю камешек в убегающую дорожку света, и его всплеск теряется среди множества бликов беспокойной поверхности моря. "Сегодня мне нужно обязательно попасть на Олимп, и я это сделаю любой ценой", – решаю я про себя и быстро возвращаюсь в гостиницу.

В кафе вижу за столиком Андрея и направляюсь к нему. Он младше меня на год, но ведет себя так, как будто разница в возрасте между нами десять лет в его пользу. И все из-за того, что он считает меня умником и "мягкотелым интеллигентом". Он вырос в здоровой семье и пропитался насквозь этой настырной практичностью, которой так недостает мне. Таких, как я, не очень любят в спорте, потому что я вырос у интеллектуальных родителей, где сам уклад жизни был подчинен идее, и имел всегда неадекватную реакцию на реальные события текущей жизни. Он снисходительно кивает на мое приветствие и покровительственным тоном замечает:

– Почему ты опаздываешь? Через тридцать минут автобус

повезет нас на трассу.

Николай Саныч пошел за тобой в номер. Он говорит, что эту ночь ты не ночевал в гостинице. Наверное, присмотрел какую-нибудь девочку в городе.

– С чего он это взял? – делаю я удивленное лицо.

– Заметил, что ты не разбирал своей постели.

– А я спал на постели прямо в трико, – придумываю я на ходу.

– Так крепко спал, что не слышал, как он к тебе стучал утром?

– Я был в ванне, шумела вода, ничего не слышал.

"Какое ему дело до всего этого, – с досадой думаю я про себя. – Никак он не может обойтись, чтобы не показать мне своего превосходства. Вот бы сегодня ему утереть нос, вырвав золотую медаль".

Пять лет подряд мы с Андреем вместе ездим на соревнования, и всегда он приходит к финишу раньше меня. Простой раз во Франции он пришел четвертым, еще бы немного и получил медь, мне же досталось только шестое место.

Молодая гречанка приносит мне на подносе завтрак, ставит его на стол, наливает в чашку кофе. Когда она отходит, Андрей, провожая ее загорелые ноги оценивающим взглядом, замечает:

– А девочки здесь ничего. Такую можно было бы и в номер пригласить на пару часиков.

Мне хочется сказать ему что-нибудь колкое, вывести его

из равновесия, но я беру себя в руки и вместо этого спрашиваю заговорщицким тоном:

– Ты ничего не расскажешь Николаю Санычу?

Андрей смотрит на меня удивленно, и некоторое время не решается, что сказать, но любопытство берет над ним верх и он в конце концов божится, что ничего никому не расскажет.

– Насчет девочки ты прав, – заявляю я ему вдруг неожиданно для самого себя. – Познакомился вчера на пляже с одной гречанкой, ей нет еще семнадцати лет, ночь мы провели вместе. Я хотел вернуться раньше, но мне помешала гроза.

Он делает округленные глаза.

– Ты с ума сошел. И это перед соревнованием.

– Случай не ищет удобного момента, Уж очень симпатичная гречаночка подвернулась, не мог же я пройти мимо нее, отмахнуться от такого везения.

Вижу, как судорожно он пытается вспомнить вчерашний день, когда мы с ним вместе отдыхали на пляже. А сам думаю: "Это что же на меня нашло, как наваждение, неужели от чувства моей неполноценности перед ним я начинаю ему лапшу на уши вешать".

– Ты с ней познакомился, когда я ушел? – спрашивает он.

– Вот именно, минут через десять после тебя. Лежу я, и вдруг вижу, в метрах пяти от меня раздевается такая девочка, что глаз оторвать невозможно: ноги, руки, тело, ну, все прямо как у греческой богини, той, помнишь, что в музее видели. А лицо – настоящий образец классической женской

красоты. Ну, думаю, полжизни бы отдал, чтобы с такой познакомиться. Но она гречанка, а мой английский, ты сам знаешь, какой у меня. Сiju я, приуныл. Вдруг вижу, она пытается намазать себе спину кремом от загара. Я, недолго думая, подхожу к ней и говорю: "Excuse me, mam, can I help you?" Она мне отвечает: "Please, mister". Я натираю ей кремом спину, затем начинаю натирать мышцы на плечах. Она ложится на живот, я массирую ей все: спину, руки, ноги...

В это время я замечаю, как гимнастки вместе с Татьяной Викторовой появляются в дверях кафе. Я умолкаю. Гречанка провожает их к столику недалеко от нашего.

– Ну что-дальше-то? – с нетерпением спрашивает меня Андрей.

Я вижу в его глазах искорки зависти.

– Потом доскажу, – отмахиваюсь я. Гимнастки усаживаются за стол напротив нас. Я наблюдаю за Татьяной Викторовой, но златокудрая Афина Паллада делает вид, что меня не замечает. Зато черноокая серебряная медалистка стреляет несколько раз по мне своим проникновенным взглядом. В дверях появляется недовольный Николай Саныч и направляется к нашему столику.

– Где ты все время шляешься? – набрасывается он на меня с упреками и смотрит на часы. – Пропустил тренировку. Опоздываешь на завтрак. Если так будет продолжаться и дальше, так ты не только не придешь последним к финишу, но и опоздаешь к старту.

– Не опоздаю. Я уже закончил, можем идти.

Мы дружно встаем и направляемся к выходу. Спиной я чувствую, как меня провожают два взгляда: один Афины Паллады, а другой – черноокой красавицы Афродиты. "И почему она на меня все время смотрит? – влетает в мою голову мысль при выходе из кафе. – Неужели я могу ее заинтересовать?"

4. Старт марафонцев

На старт! Внимание! Марш! Я начинаю движение. Андрей выскакивает, как всегда, вперед. Я не мешаю его лидерству. Вырывающийся вперед на старте не всегда приходит первым к финишу. Это знает каждый марафонец. Думаю, что это знает и Андрей. Но ему нужно как-то лишний раз поддеть меня, показать свое превосходство: видишь, мол, умник, интеллигент мягкотелый, я впереди тебя на старте, и буду впереди тебя на финише. Я всегда буду впереди тебя. Перед стартом его все еще заботила мысль о моей ночной гречанке. Я же думал об Афине Палладе и ее советах. Когда он меня спросил за несколько минут до сигнала: "Что было потом? Ты мне так и не досказал". Я ему ответил: "А потом я ее трахнул".

Его физиономия перекосилась, как от зубной боли. По-видимому, ему было неприятно сознавать, что я где-то его обошел: и в минуту волнения он себя выдал. Мне же почему-то стало спокойнее от мысли, что я ничего не проиграю, если приду после него, но вот если я его опережу, то уже он явно проиграет мне.

Пробегаю первые сто девяносто пять метров. Они легкие. Я их преодолеваю на одном дыхании. Но вот остальные сорок два километра мне кажутся нескончаемыми. Лиха беда – начало. Итак, я начинаю свой путь. Я бегу по дороге, ве-

душей на Олимп. Как там учила меня Афина Паллада? Вначале "прегради свой обмен". То есть, я не должен думать о дороге, я должен думать о чем-то другом.

Я не должен замечать убегающей под моими ногами ленты, а также встречающихся мне на пути марафонцев. Если думать все время о дороге и соперниках, то можно сойти с ума за несколько часов. Сейчас эта дорога должна стать моей жизнью. Разве мы замечаем жизнь, когда мы живем. Нет, мы ее не ощущаем, так же, как и время, которое невозможно ощутить, потому что нельзя его остановить. Кажется, что вот поймал какое-то мгновение, зафиксировал его, но вот и уже оно потеряно, оно выскакивает у тебя из рук, как кусок скользкого мыла, и отлетает в необратимое прошлое. Только память хранит это мгновение. Может быть, наша память и есть жизнь. Вернее, наше ощущение жизни, ибо жизнь и дорога – одно целое, они самодовлеющи, как время и пространство, и неподвластны нам. И все же я неправ. Дорога – это время. А жизнь – это отрезок времени на ней. Так вернее.

Дорога – в небо и все земное вливается в него, как реки и горные ручьи несут свои потоки в Океан. Это движение нашей планеты в Космосе. Ведь время своей ежеминутностью полновластно господствует над всем. В этот самый момент, когда я опускаю ногу на землю, происходят одновременно тысячи, миллионы разных событий в мире. И они происходят ни минутой позже, ни минутой раньше, а именно сейчас, вернее, уже произошли в тот момент, когда я опустил ногу.

Кто-то умер, кто-то родился. Великое время охватило все. И я бегу по дороге, я бегу по времени. И этим своим ритмом я как бы обнимаю мир. И я никак сейчас не могу вырваться из тисков времени, они держат меня и заставляют бежать по дороге. И впереди меня ждут испытания, которых я никак не избежу. Потому что дорога и время неизбежно приводят к чему-то. Интересно, можно ли остановить время? В кино время останавливается. Вот бы стать этим волшебным магом – режиссером и снимать свое кино, останавливая свое время. Но вначале нужно написать сценарий о том, что видишь и чувствуешь в жизни. Но, к сожалению, я не режиссер. Я – марафонец, бегущий по дороге.

Что такое рок? И от чего зависит наша судьба? Я появился на свет божий в определенное время и определенном месте, которые не выбирал. Мои родители достались мне тоже не по моей воле. Это все произошло само собой, ненароком, нечаянно, по милости божьей, что тоже можно назвать игрой случая. Я мог родиться женщиной, но родился мужчиной. Я мог появиться на свет в виде чудовища или пресмыкающейся твари, но родился человеком с быстрыми ногами. И вот после моего появления на свет я пустился во всю прыть по дорожке и до сих пор не могу остановиться. Сколько уже я набил шишек. Но стоит мне упасть, я тут же вскакиваю и бегу дальше.

Почему мужчина вынужден всю жизнь бежать? Что его гонит вперед? Какая цель? Тело мужчины подобно ядру, вы-

пущенному катапультой. Вон сколько людей, бегущих по дороге, жаждут славы. И каждый из них – безумец, устремляющийся вперед. В этом порыве – вся их жизнь, раскрывающая их сущность. Мужчина – существо целенаправленное. Его жизнь обязательно подчинена какой-либо цели, совсем противоположной той, что у женщины. У них главная цель – вырастить ребенка. Это в них заложено природой. Наша цель иная, мы должны любой ценой прославиться. Нам ничего не остается, как идти этой дорогой.

В Олимпийских играх сокрыт тот же смысл борьбы и жажды славы, которые движут мужской частью человечества, но, может быть, эти игры не так разрушительны, как настоящие войны. Возможно, эти игры когда-то станут спасением человечества. Умные греки открыли панацею от самоуничтожения. Но почему в Олимпийских играх принимают участие женщины? Ведь это не их природа, не их удел побеждать противников в соперничестве. Или они давно переродились и уподобились нам, мужчинам. Так ли это? Есть ли у них враги, в нашем понимании, и каково их отношение к ним?

Ко мне "приклеивается" один марафонец, но он бежит как-то странно, не обгоняя меня, держится на полкорпуса сзади, как бы давая мне возможность быть лидером. Так мы бежим некоторое время почти бок о бок, как на прогулке по аллеям Центрального парка имени Горького.

– Желая удачного финиша, – доброжелательно приветствует он меня.

Я киваю ему головой, но не открываю рта, экономлю силы. Он же, как ни в чем не бывало, продолжает:

– Сегодня хорошая погода. Самое замечательное время для марафона.

Я опять ничего не отвечаю. Кто он? Какого черта ему от меня надо? Он выглядит немолодо, уже почти старик. Как его допустили до таких соревнований? Это же чемпионат мира по марафону, а не обычный городской забег, где могут принимать участие все желающие. К тому же Россию мы представляем вдвоем с Андреем, а он говорит по-русски. Может быть, он из СНГ. Что-то раньше я его не видел. Но бежит он хорошо, легко, нисколько не заботясь о сохранении сил. Более того, болтает без умолку, не боясь сорвать дыхание.

– Хороший старт, – говорит он мне. – Дай Бог, придем к финишу первыми.

Меня немного удивляет его энтузиазм, но в его манере общения есть что-то притягательное. Во всяком случае, я не вижу в нем врага или конкурента.

– Как хорошо бежать, – продолжает он. – Бежать и не думать ни о чем на свете.

– Но разве так можно? – спрашиваю я его.

– В том-то и заключается прелесть марафона, что мы убегаем от всего.

– А мне казалось, что мы бежим к чему-то, например, к финишу.

– Так оно и есть. Но для настоящего бегуна это не главное. Мне было интересно слышать такое заявление.

– Вы заметили, что по этой дорожке бегут только мужчины, и нет ни одной женщины?

Я киваю ему головой, экономя силы и пытаюсь контролировать дыхание, но все же не могу удержаться и замечаю:

– Это и понятно, ведь соревнование по марафону проводятся среди мужчин.

– В том-то и дело, что мы не можем соревноваться с женщинами. Они нас всегда побеждают. И главное спасение мужчины – это убежать от женщины.

Человек вдруг заговорил страстно и увлеченно, как будто к этому убеждению он шел всю свою жизнь.

– Я говорю о том, чтобы избежать любви. Да-да! Именно того безумия, которое связывает человека по рукам и ногам. Любовь – это сети, которыми женщина накрывает человека с головой. Из этих сетей очень трудно выпутаться. И чем сильнее привязанность, тем безвольнее становится человек. Вы думаете, любовь помогает человеку жить? Чушь! Она уводит его от цели.

Когда он произнес слово "цель", я невольно повернул голову в его сторону. "Кто он, этот таинственный бегун?" – подумал я. И вдруг мой взгляд упал на его ноги и продолжение его туловища. Кроме двух рук бегун имел еще четыре ноги с лошадиными копытами. От неожиданности я чуть было не лишился чувств, потому что впервые в жизни видел рядом

с собой кентавра.

– О какой цели вы говорите? – спросил я его, обретя, наконец, дар речи.

– О той, чтобы избежать растворения в женщине. Как только мы передаем свою клетку женщине, мы тут же умираем. И для нее и для себя самого.

– Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду.

– Мы превращаемся в пустую оболочку. Мы всю свою энергию передаем ей. А разряженное тело, как вы знаете, является мертвым телом. Мы становимся живыми покойниками. С рождением нашего ребенка женщина овладевает нашей волей и теряет к нам всякий интерес. Всю свою любовь она концентрирует на том, что мы ей дали. Но это еще не все. Мы умираем для себя лично, потому что с появлением дитя должны заботиться о нем. Мы привязываемся к нему и к женщине, которая произвела его на свет. Ради них мы готовы жертвовать своей жизнью. Женщины, как подводные камни, пороги или айсберги. Они путаются у нас под ногами, они пробивают днища наших кораблей, делают течи и, в конечном итоге, увлекают нас на дно мутных стоячих заводей. Мы становимся утопленниками.

Кентавр несся рядом со мной во всю прыть, поднимая за собой столб пыли. И чтобы не задохнуться, я должен был не отставать от него ни на шаг. Мы легко обходили многих бегунов. Он болтал без умолку.

– После встречи с женщиной, к которой вы равнодуш-

ны, ваше сердце разбито. Вы уже не цельная личность, а так себе, осколки кувшина, который уже никогда больше не наполнится мудростью. Женщина неуловима для мужчины, хотя сама по себе является ловушкой для него. В конечном итоге, вы разбиваете не только свое сердце, но и свою голову. Вы становитесь сумасшедшим. Поэтому самое важное для вас – это убежать от женщины. Не дать ей одержать над вами победу. Иначе вы – мертвец.

– Я вижу, вам удалось убежать от женщины, – заметил я с ноткой сарказма.

– В том-то и дело, что нет, – ответил он сумрачно.

Солнце припекает все сильнее, подошвы кроссовок нагреваются, но я не ощущаю ни усталости, ни жары, ни дискомфорта. Вероятно, нами пройдена уже шестая часть пути. Как там меня учила Афина Паллада? "Сгармонируй свой блеск". Прекрасно. Много марафонцев еще впереди, но меня это не колышет. Я продолжаю свой путь вместе с моим копытным напарником, все больше погружаясь в нашу общую умозрительную беседу.

– Но разве можно оградить себя от женщины? – замечаю я ему.

– Еще как можно! – восклицает он. – Вы же знаете, что спартанцы царя Леонида обходились без женщин. Возможно, благодаря любви и преданности друг другу они смогли защитить Фермопильское ущелье.

– На что вы намекаете? Вы хотите сказать, что они были

гомиками?

– Ну, скажем так, что они обходились своей мужской самодостаточностью. Или возьмем, к примеру, хотя бы самую умную часть человечества – священнослужителей. Эти не зря себя ограждают от всяких сношений с женщинами.

– Я совсем не собираюсь быть монахом, – отвечаю я.

– И напрасно, – заявляет бегун, вдруг переходя на "ты". – Если ты хочешь всегда оставаться молодым и сильным. Не дари себя никому. Ты можешь соблазнять женщин, но никогда с ними не связывайся. А, расставшись, больше никогда не встречайся. И тогда вы оба друг для друга останетесь навечно молодыми и желанными.

– В памяти?

– Не только в памяти. Да и что такое память? В нашей памяти хранится вся красота этого мира. Она не вянет, не меняется, потому что она вечна. Наша память хранит в себе сотни глаз, тысячи улыбок, все самые незабываемые минуты нашей жизни. Ты постоянно проживаешь их вновь и вновь. Ты удлиняешь этими переживаниями свою жизнь. Почему человек помнит только хорошее, а все плохое быстро забывает или старается забыть? Да потому, что ему чужды уродство и тление. Человек стремится к вечному, а в его понимании вечное – это красота и жизнь, это как бег от исчезновения.

– До этого мне казалось, что человек неминуемо приближается к исчезновению.

– Так оно и есть. Человек – это существо, убегающее от небытия к исчезновению. И он испытывает страх как перед смертью, так и перед жизнью. На войну он идет от страха перед жизнью. А на войне он убивает себе подобных из-за страха перед смертью.

– Вы хотите сказать, что на войне нет места храбрости.

– Храбрость и есть одно из проявлений страха. Это тот же страх, когда люди боятся обвинения в трусости. Страх перед исчезновением заставляет человека искать пути причастности к вечности. Эти устремления порождают мировые религии. Иными словами, происходит поиск путей-дорог в небытие, в ничто. Человек не только убегает от небытия к небытию, но и, вдобавок ко всему, он живет небытием.

"Чушь какая-то получается, – подумал я. – Значит, чтобы попасть в вечность, нужно связать себя с памятью". Но память – это тоже ничто, всего лишь мираж в нашем возбужденном мозгу. Значит, чтобы раствориться в вечности, нужно проникнуть в ничто, погрузиться в свое прошлое. Но как же научиться с радостью думать о прошлом? Ведь и у меня оно было не таким уж радостным! Афина Паллада учит "притуплять свою остроту", это значит – не думать плохо о прошлом. Но прошлое живет в нас, мы все сами состоим из прошлого.

Дорога бежит по берегу Эгейского моря, сколько на пляжах людей, они отдыхают и купаются, лентяи, баловни судьбы. Как я всегда завидовал богатым людям, которые красиво

одеваются, имеют много дорогих вещей. Им не нужно думать о зарботке, трудиться ради хлеба насущного. Сытые и довольные, они греют свои животы под палящим южным солнцем и думают только об удовольствиях. Что-то я рассердился. И бежать сразу становится труднее. Разве можно так себя распускать? На свете много неудачников и простых людей, у которых мало шансов построить свое прекрасное будущее. Поэтому овладеть наукой "притупления своей остроты" не всем удастся. Но мне нужно, во что бы то ни стало, овладеть этим искусством, как учила меня Афина Паллада...

5. Бег по древней земле

Беговая дорожка пролегает по широкому полю. Впереди нас змейкой вытянулась вереница бегущих марафонцев. Они вспотели и тяжело дышат. Всех их влечет вперед одна цель: прийти к финишу первыми. В этот момент я замечаю в придорожной канаве резвящуюся парочку. Кентавр, прижав ладонь козырьком ко лбу, всматривается, а затем восклицает:

– Так это же наш славный Гермес. Что он здесь делает?

– Мне кажется, что он занимается любовью с женщиной, – с улыбкой замечаю я.

– Я, конечно, против женщин ничего не имею, – говорит мой четвероногий бегун. – Но я думаю, что это уже слишком. В канаве, у всех на виду. Неужели он не мог найти более подходящего места? Я бы отвел ее в кусты.

– Но вы же сказали, что мы должны убежать от женщин без оглядки.

– Да, я это сказал. Но это не значит, что я имею что-то против интимных отношений с ними.

– Как же все это нужно понимать? – спрашиваю я.

– Я говорил о том, что мужчины не могут сравняться с женщинами. Женщины своим совершенством постоянно напоминают нам, мужчинам, о наших изъянах: ущербности и беспомощности. Я думаю, что Бог сотворил вначале женщи-

ну, а потом женщина создала мужчину для своих нужд. Поэтому подсознательно мы никак не можем простить ей такого. Будучи одинокими по своей природе, мы стараемся с ними примириться, однако наши понимания совместного общежития диаметрально противоположны. Мы хотим управлять в семье, но природа распорядилась иначе. Поэтому, вероятно, рушатся так просто наши семьи и государства, а мы сами обречены на вечное одиночество.

Пробегая мимо места, где Гермес скакал на своей пассиве, кентавр крикнул в его сторону:

– Приветствую тебя, сторукий небожитель. И получил ответное приветствие из канавы:

– Рад тебя видеть, четвероногий конь. Мы бежали дальше. Должно быть, пройдена уже половина пути. Впереди нас еще человек двадцать растянулись на километр. Андрей где-то среди них. Вот из-за поворота открывается вид на гору, очень похожую на Олимп. Это там, по-видимому, собираются вечные боги в сверкающей обители царя Зевса-громовержца на вершине, обласканной теплыми ветрами Эгейского моря. Вероятно, туда и лежит мой путь. Но до нее так далеко. Надо еще "освободиться от свой разделённости", как предупреждала меня Афина Паллада. А это самая трудная задача, потому что нужно сделать огромное усилие над собой, чтобы избавиться от своей ущербности. Для этого нужно напрячь все усилия.

Как ни в чем не бывало, мой напарник продолжает разви-

вать свою мысль:

– Ведь что такое женщина? Это пространство, равнозначное Вселенной. Материя, из которой происходит вся живая органическая жизнь. И это, наконец, время, которое нам дается, чтобы выйти из этой материи и помочь материи возродиться вновь с помощью детей.

В это время нас догоняет быстроногий Гермес и вставляет свою реплику.

– Женщина – это сияющая звезда, указывающая нам путь. И в то же время это – черная дыра, поглощающая все на своем пути. Я тоже принимаю участие в марафоне. Но не мог удержаться и сошел с дистанции ради такого случая. Но ничего, мы всё равно придем к финишу первыми.

Я замечаю на молодом бегуне довольно оригинальные тапочки с загнутыми вверх серебряными крылышками. Вид у него довольно лукавый. Глаза источают смешливые искорки, а на кончиках губ играет улыбка.

– Сколько в этом мире красоток, которые ждут своего часа познакомиться с нами! – весело восклицает он. – Да разве можно прожить без женщин! Я и часа не могу обойтись без них. Они помогают нам становиться обходительнее и добрее, замечать красоту, испытывать эмоциональные взлеты и потрясения. Да наша жизнь закисла бы без них. Я не пропускаю ни одной мимо своих рук, и, в конечном итоге, все мы остаемся довольными. Уж как я люблю этих чертовок – и белых, и черных, и желтых, и красных. Особенно обожаю

диких, тех, кто пытается выглядеть недотрогами или этакими зауменькими очкастыми дамочками. Вот где скрывается столько неистраченной энергии, что можно получить заряд на целый год только за одну ночь, особенно, когда у них начинаются месячные. В такой период их просто охватывает бешенство. Их можно брать голыми руками без всякой подготовки, так как они сами плывут в объятия, как рыбы в сети во время нереста. Природа специально позаботилась о нас, устроив так, чтобы это у них происходило не одновременно, не у всех сразу, и чтобы мы могли перелетать от одной к другой. Они испытывают возбуждение еще больше, чем мы с вами. О, если бы не было этих дурацких условностей, и мы могли бы их удовлетворять по первому их желанию. Но, к сожалению, они выдумали эту чертову этику, да еще вдобавок эту лицемерную мораль их обхаживания, от которых они сами же и страдают. Почему среди мужчин нет проституток? Да, потому, что мы не обладаем таким потенциалом, как они. Секс для них более естественная потребность, чем удовлетворение жажды для нас. Вы только попытайтесь их игнорировать, так они сами начнут к вам липнуть и вешаться на шею. А что они только не делают, чтобы привлечь к себе внимание. Чего они только на себя не надевают. Нижнее белье для них уже давно стало особым видом искусства.

Этот молодой нахал говорил, не останавливаясь, и я подумал: "Как странно! Стоит нескольким мужчинам собраться вместе, то все разговоры сразу же начинаются о женщинах.

Даже на беговой дорожке". Я постарался представить мысленно Татьяну Викторовну и сравнить ее с ученицей Катрин. "Неужели то, о чем говорит этот болтун, относится к обеим".

Между тем бегун в крылатых тапочках продолжал:

– Чтобы друг перед дружкой пустить пыль в глаза, они прибегают к таким изощрениям, что диву даешься, как такое может прийти в голову нормальному человеку. Но они ненормальны, уверяю вас, и им все может прийти в голову. Более изобретательного существа нет во всей Вселенной. Когда женщину полностью разденешь и посмотришь на нее в нагом виде, то не найдешь ничего такого, чем бы они отличались одна от другой. Но стоит на них посмотреть в их нарядах, как кажется, что в каждой из них кроется какая-то тайна, от которой мы, мужчины, начинаем сходить с ума. Да, мы сходим с ума самым натуральным образом. Порой от какого-нибудь милого личика становишься настоящим безумцем. Любая женщина мечтает, чтобы ее раздели. Вся ее одежда создана для раздевания. Впрочем, нижняя и самая привлекательная ее часть уже наполовину раздета. Она как бы манит и приглашает – ну что тебе стоит запустить мне под юбку руку и посмотреть, что там у меня есть. И когда мы их видим, то мысленно снимаем все и пытаемся представить, какие они на самом деле. Нам доставляет огромное удовольствие ласкать женское тело под одеждой. Это даже возбуждает, чем ласкать голую. Кстати, от такой ласки возбуждение охватывает обоих. К чему они только не прибега-

ют, чтобы заставить нас раздеть их. Взять хотя бы их туфли на высоких каблуках. Мужчине никогда не придет в голову натянуть на свою ногу такую неудобную обувь. И все это делается с одной целью – привлечь к себе наше внимание. Они так и мечтают загнать нас под свой каблучок. Или приворожить нас. У них даже есть специальный заговор для таких случаев, когда они пришивают нас к себе, словно нитками.

От его болтовни у меня голова идет кругом. Перед моим внутренним взором постоянно возникает то образ Татьяны Викторовны, то Кати, но в каком-то странном незнакомом еще мне ракурсе. Как будто бы этот крылатый бегун начинает их обеих раздевать прямо на моих глазах.

– Возьмите хотя бы их гениальное изобретение – моду. Я думаю, что мода была выдумана ими для того, чтобы они постоянно могли перед нами выглядеть новенькими, или обновленными. Неважно, что ее лапали уже десятки мужских рук, стоит ей надеть новое платье, как она уже выглядит по-новому и, смеясь, как бы приглашает нас: "Ну что, видишь, какая я вся новенькая и чистенькая. Возьми меня, изваляй, испачкай в своей грязи. Все равно ко мне ничего не пристанет".

Я вдруг почувствовал, что от этой пошлятины начинаю возбуждаться. В моем представлении возникает фигура длинноногой Катрин и ее выразительные глаза. Мой "мэтр де плезир" принимает стойку, несмотря на бег, и начинает мне здорово мешать в движении. Но я ничего не могу поде-

лать с собой, я не могу заткнуть уши и не слушать этого развязного болтуна.

– Если вы здоровы и привлекательны, то любая женщина смотрит на вас как на потенциального партнера. Ваши ухаживания будут приняты. Она вам не откажет. Она немного покуражится, чтобы привыкнуть к вам и узнать вас поближе, если вы ей нравитесь, а потом сделает все возможное, чтобы затащить вас в постель. Пойдет на крайние меры, вызовет у вас ревность, и даже, если нужно, ляжет в постель с другим мужчиной, лишь бы вас вынудить к какому-нибудь решению. Она будет на ваших глазах целоваться, если почувствует, что вы к ней равнодушны. Если она вас возненавидит и решит отомстить, то обязательно окажется в постели с другим. Для нее переспать с другим мужчиной, все равно, что обновить свой гардероб. Если вы попадаетесь к ней на удочку, то она начинает из вас вить веревки, пока вы полностью не превращаетесь в тряпку. Если же мы сопротивляемся, то они сатапеют. Для них нет непреодолимых препятствий. Они готовы заплатить здоровьем, лишь бы вам насолить. Но стоит вам упасть в ее глазах или потерять свое влияние над ней, то она тут же повернется и уйдет от вас, не оглядываясь. Они не прощают нам грубости и цинизма. Им нужны ласки, поцелуи, поэзия, музыка...

Поле кончается. Наша беговая дорожка опять вьется по берегу Эгейского моря с его нескончаемыми пляжами. На этих пляжах много гостиниц и юных дев. Девушек привле-

кает наш марафон. Многие из них встают со своих лежанок и выстраиваются вдоль дороги. Калейдоскоп симпатичных женских лиц, грациозных ножек и пленительных пупков.

– Фу, – продолжает свои возлияния мой нахальный спутник. – Когда слишком много полуголых женщин, это тоже плохо. Теряется новизна восприятия. Нет уже таких щемящих душу ощущений, которые возникают при виде, когда несколько мужчин насилуют одну женщину. Потому что не всякий мужчина может полностью удовлетворить одну-то женщину, не говоря уже о многих. Но вот, мне думается, что любая женщина, если она захочет, смогла бы вполне удовлетворить всякого мужчину, и даже не одного. Вызовите любую из них на откровенный разговор, и она признается вам, что в день сумела бы насытить шестерых, а то и десятерых мужчин. Наш же самый сильный суперсексуальный плейбой не одолеет и двух в день. Поэтому вид большого количества голых женщин для мужчины не всегда приятен. Нам бы с одной справиться. И как ни странно, женщинам нравятся ласковые мужчины. Ни одна из них не хочет быть изнасилованной. Однако в природе мужчинам свойственно именно насилие над женщиной. Вероятно, это происходит оттого, что часто девушку лишают невинности супротив ее желания. В такую минуту мужчина одерживает над ней физическую победу, ощущая восторг и доставляя женщине боль. Вот откуда начинаются истоки садомазохизма. Мы никогда не должны забывать, что наша подруга всегда нуждается в нежном по-

целуе. Если мужчина может ее ублажить, то она готова простить ему все. Вы заметили, что довольно часто красавицы выходят замуж за уродов?

И я тут опять подумал: "И что она во мне нашла. Вокруг нее увивается полно красавцев, но она почему-то выделила именно меня. Как она на меня посмотрела во время тренировки. Что она сейчас делает? Она знает, что я бегу. Интересно, хотя бы разок она вспомнила обо мне с начала нашего старта?" Думы о ней придают мне силы, я почти не чувствую ног. Может быть, я устал? Но нет. Бегу я довольно быстро, обходя многих на марафонской дорожке. Отчего я так легок? Не от ее ли лучезарного образа. Эти выразительные задумчивые глаза. С каким наслаждением заключил бы я ее в свои объятия. Радость моя. Неужели мне удастся когда-нибудь ею овладеть?

– Обычно первый поцелуй все решает, – продолжал Гермес. – Это как жеребьевка – "пан или пропал". Сразу все становится понятно. Или она зажимается, и ты видишь, что ничего не обломится. Или она раскрывается, как цветок, и млеет, и ты уже с ней делаешь все, что хочешь. Такой момент для нее самый незабываемый, она помнит его до конца жизни. Когда еще у нее будет шанс встретить своего суженого. Да и будет ли вообще своя семья. А бывает и так, что муж – инвалид, а она здоровая. Ведь очень трудно предугадать, куда заведет кривая любви.

Случается и такое, что он – телеграфный столб, а она – от

горшка два вершка, карлица. Или разница в возрасте триста лет. А вот нашли же друг друга в этой жизни. Какие-то флюиды соединяют людей, а может быть едва ощутимые запахи, как у насекомых. Те чувствуют друг друга за версту.

Я пытаюсь вспомнить, какой запах исходил от Татьяны Викторовны, и не могу.

Может быть, у нее просто не было никакого запаха. Но так, по логике вещей, быть не может. Каждая женщина имеет свой запах. Какой же запах имеет Катрин? И тут в моем воображении, как во сне, возникает картина, как этот нахальный субъект лезет к ней руками под юбку. От этого видения мой напряженный "мэтр де плезир" не выдерживает, и изрыгает из себя струю семени, которая поднимает меня в воздух и несет с космической скоростью вперед, как запущенную на старте ракету.

– Куда ты? – восклицают оба мои спутника в один голос и хватают меня за руки. Но форсаж двигателя настолько силен, что и они взмывают в небо вместе со мной.

"Это так мне удалось сгармонировать свой блеск и воссоединить свои пылинки, – мелькает у меня в голове, – что мне удалось оторваться от земли. Вот что, значит, проникнуть в свою материю и стать самим собой. Наконец-то я смог освободиться от разделённости, притупить остроту, затворить свои врата, преградить свой обмен. Я уже на пути к становлению богом. Еще небольшое усилие, как учила меня Афина Паллада, и можно соединить свою энергию с небом.

Я ощущаю, как мое сердце очищается до полной пустоты, и я растворяюсь в ней. Но что это?

Я чувствую, как теряю свой вес и обретаю небывалую легкость своего дыхания. Мне кажется, что усталость проходит, как будто я пробуждаюсь ото сна и слышу рядом с собой чей-то голос:

– Сейчас Гермес доставит тебя на Олимп. Ведь ты – победитель.

– Что за вздор?! – восклицаю я.

– Совсем нет, – слышу в ответ голос четвероногого товарища. – Ты видишь на его ногах крылатые сандалии? Кто, кроме него, их может носить? Ты ощущаешь, что мы в воздухе?

И верно. Мы уже несемся высоко над дорогой. Где-то впереди нас бежит несколько человек. В их числе мой товарищ Андрей. Очень опасный эксперимент. Афина Паллада предупредила меня об этом. И вот мне удалось это сделать. Я, подобно ангелу, парю высоко в небе и вижу все, что происходит внизу. Вместе с Гермесом и кентавром мы летим в воздухе над головами бегущих по дороге спортсменов. Вот я пролетаю над Андреем, и он с ужасом, задрвав голову, смотрит на меня. Впереди нас уже никого нет.

Мы устремляемся к финишу, и я грудью разрываю ленточку, становясь победителем.

Впервые в жизни мне удастся завоевать титул чемпиона Олимпийских игр. Какая радость! Но что такое? Я не мо-

гу остановиться, я продолжаю лететь над дорогой. Люди с изумлением смотрят на меня. Куда же несут меня крылья? Да и есть ли крылья у меня за спиной? Что это? Неужели я превратился в сгусток неуправляемой энергии? Возможно ли такое? Я улетаю, подобно гигантской птице, все дальше и дальше. Куда же несет меня моя энергия? Ба! Да я лечу к самой высокой горе, к Олимпу. Как это интересно! Вознесение на Олимп чемпиона Олимпийских игр. Во всяком случае, это лучше, чем восхождение на пьедестал почета.

6. Финиш на Олимпе

Coelum, quod tuimur, templum.

"Небо, в которое мы вглядываемся, храм".

Как прекрасно ощутить вкус победы на вершине самого Олимпа. Ко мне со всех сторон сбегаются люди с поздравлениями. Они возлагают на мою голову лавровый венок, поднимают меня на руки и несут к пьедесталу почета. Все же на Олимпе есть пьедестал почета с местами I, II и III. Я восхожу на первое место, мне вручают золотой кубок чемпиона Олимпийских игр. Кроме меня на пьедестале почета никого нет. "Неужели, – думаю я, – больше никто не пришел к финишу? А где же мои спутники, которые вместе со мной пришли к финишу? Или их награждение будет проходить отдельно от моего? Странно". Как только я успеваю так подумать, ко мне подбегают гречанки и буквально забрасывают всего живыми цветами. Я не вижу в толпе ни Андрея, ни Николая Саныча. С Андреем все понятно. Он где-нибудь спрятался и не может пережить моей победы. Страдает от зависти. Но вот почему нет Николая Саныча, моего тренера? Он-то уж обязан присутствовать на моем награждении. Председатель Олимпийских игр произносит длинную речь на греческом языке, без перевода я ее не понимаю. По-видимому, он говорит что-то хорошее в мой адрес. Затем все меня поздравляют бурными

аплодисментами.

Я поднимаю руку с кубком, раскланиваюсь на все четыре стороны. Затем схожу с трибуны, и народ начинает расходиться, уже не обращая на меня никакого внимания. Я растерянно смотрю по сторонам, сжимая в руке золотой кубок, пытаюсь взглядом отыскать в толпе знакомое лицо, но бесполезно. Все лица чужие, похоже, что никому нет до меня никакого дела. Ко мне подходит распорядитель церемонии и просит немного подождать.

– Что здесь происходит? – спрашиваю его.

– Как, что происходит? – он пожимает плечами. – Как всегда происходит процедура чествования Олимпийского чемпиона.

– Меня одного?

– Да, тебя.

– Почему чествуют только меня? А где другие?

– Но ведь только ты пришел первым к финишу.

– Как? – удивляюсь я еще больше. – Пока я бежал, изменились правила Олимпийских игр? Никто не занял второго и третьего мест?

– Молодой человек, – строго замечает он. – Если что-то и меняется в мире, то только не правила Олимпийских игр, они вечны и обязательны для всех, как для смертных, так и для богов.

– Но что происходит? – опять восклицаю я взволнованно. – А где все? Где Николай Саныч?

– Я не знаю никакого Николая Саныча, – отвечает он спокойно.

– Тогда где кентавр Хирон? – не понимаю я.

– Кентавра я отправил на Остров Блаженных. Они не должны находиться на Олимпе.

– А где Гермес?

– Бог Гермес испарился.

– А кто вы?

– Мое имя Эпиметей.

– Вы – тот самый титан, который "силен задним умом" и у которого на Острове Блаженных осталась жена? – произвольно вырывается у меня.

Он резко поворачивается и идет прочь. Его поведение меня еще больше обескураживает. Я не вижу ни прессы, ни повышенного внимания к себе. Все мимо меня проходят так, как будто ничего не произошло.

Вдруг я замечаю одного человека, который привлекает мое внимание тем, что подмигивает мне. Я устремляюсь к нему, но и он поворачивается и ковыляет прочь. Я вижу огромную мускулистую спину, подпрыгивающую то вверх, то вниз от перемещения его кривых ног. Я иду за ним следом и настигаю за поворотом поваленных дорических колонн разрушенного храма Зевса. Я кричу ему:

– Эй, вы не могли бы подождать минутку.

Он поворачивается ко мне и делает удивленное лицо.

– Почему вы мне подмигивали? – спрашиваю я его.

– Извините, у меня нервный тик, – оправдывается он и пытается уйти, но я заступаю ему дорогу.

– Нет уж, позвольте! – восклицаю я. – Объясните мне, что здесь происходит?

Он заговорщицки приставляет палец к губам и направляется к самой груде развалин. Я пожимаю плечами и безропотно тащусь за ним. Узкая тропинка ведет в глубь разрушенного храма и обрывается возле небольшой кузницы под открытым небом, примостившейся прямо на краю пропасти, в глубине которой плывут облака. Человек оборачивается ко мне и тихо произносит:

– Добро пожаловать на Олимп.

– Да что это все значит? – уже в который раз восклицаю я возмущенно. – Все здесь ведут себя так, как будто им до меня и дела нет.

– Совершенно верно, – отвечает мой хромой олимпиец. – У титанов полным полно своих забот. Вряд ли они будут еще заботиться о тебе.

– Но почему я ни у кого не вызываю здесь особой радости? У меня возникает чувство, как будто я залетел не туда, куда нужно, в какие-то чужие края.

– Ты вернулся домой, но все здесь изменилось.

– Ничего не понимаю.

– Последнее время бессмертная Обитель богов совсем оскудела. Многие боги спустились на землю, потому что там рай по сравнению с этим местом. С Олимпа уже давно сле-

тело его былое величие. Здесь нет теплых сортиров, горячего отопления, телевизоров, телефонов, лифтов и машин. Я сам недавно вернулся с земли. Во время моей последней реинкарнации я там занимался техническими изобретениями. Когда же я вернулся на Олимп, его уже захватили титаны. Никто не знает, где сейчас скрывается Зевс.

– Так вы – бог Гефест?

– Он самый.

– И что вы здесь делаете?

– Ремонтирую военную технику, – и Гефест показал на стальные машины, стоящие невдалеке и оцетинившиеся жерлами пушек.

– Что это?

– Их железные роботы-циклопы и сто пушечные исполнены гекатонхейры.

– Грозное оружие, – заметил я.

– Куда там, – развел руками Гефест. – Зевс при помощи своих молний разделается с ними за пять минут.

Хромой кузнец не успел договорить, за грудой Щебня послышались легкие шаги. Гефест, приложив палец к губам, шепнул мне:

– О нашем разговоре – ни звука. И никому не открывайся, кто ты есть на самом деле. Пусть титаны принимают тебя за своего.

Из-за расколотой лестничной балюстрады храма появился титан Эпиметей. Он уверенной походкой направлялся к

нам. Подойдя ко мне, он без лишних преамбул заявил:

– Я тебя повсюду ищу, куда ты пропал? Мне нужно объяснить тебе твои обязанности.

И я подумал, что всюду первым делом мне говорят об обязанностях, но не о моих правах.

Не вдаваясь в комментарии, он повернулся и, как ни в чем не бывало, пошел прочь в полной уверенности, что я следую за ним. Кузнец кивнул мне головой, и я понял, что должен подчиниться. Я помахал рукой Гефесту и устремился вслед за моим не очень приветливым сопровождающим. Когда мы вышли из руин храма, титан мне сказал:

– Советую чисто по-дружески избегать подобных знакомств. Ты здесь человек новый, многого не знаешь, с первых шагов можешь нарваться на крупные неприятности. Этих бывших богов мы терпим только за их профессионализм.

Он покосился на мой золотой кубок и продолжил:

– А вот кубок советую, как можно быстрее, вернуть в Совет титанов. Ты можешь отдать его мне, а я им передам, а то ненароком у тебя его сопрут.

– Неужели здесь, на Олимпе, может произойти такое? – удивился я.

– Не обольщайся, люди – везде люди, никому не стоит особо доверять, – снисходительно заметил он.

После того, как я передал золотой кубок, мой сопровождающий подобрел и заметил:

– Как чемпиону Олимпийских игр, Совет титанов решил предоставить тебе хижину и небольшой надел земли на северном склоне Олимпа.

Должен сказать, что там не очень хорошая земля, иначе говоря, сплошные камни, кроме плевел, вряд ли когда-либо что-то там росло. Иногда с земли ветром приносит семена, но от недостатка солнца они там не всходят.

– И что я буду делать?

– Пахать землю.

– Но я не умею.

– Научим. Так ты сможешь зарабатывать себе на хлеб.

Я пожал плечами, не зная, что делать, благодарить его или возражать ему.

Чтобы изменить тему нашего разговора, я спросил:

– Скучаете по своей жене?

Глаза моего сопровождающего оживились:

– Не так чтобы очень, но я захватил с собой закрытый сосуд Пандоры, в котором хранилась надежда на лучшую жизнь, и выпустил ее здесь на волю.

– И каков же результат? – заинтересовался я.

– Потрясающий. Никогда еще олимпийцы не имели такого энтузиазма и надежды на лучшую жизнь.

– Неужели они обрели счастье? – удивился я.

– Не знаю, можно ли это назвать счастьем, но последнее время жалоб на жизнь не поступало.

Вскоре мы подошли к хижине, нависшей над пропастью,

моему будущему жилищу.

– Это та самая хижина, в которую боги поместили на Олимпе первого человека, – объяснил мне титан. – Гомер умер от истощения, и сейчас где-то на земле после его реинкарнации живет величайший поэт настоящего времени и, может быть, в ус себе не дует, не подозревает, сердечный, что в нем таятся такие гениальные задатки, с помощью которых он может открыть новую эру в стихосложении на земле.

Весь северный склон Олимпа был застроен жалкими хижинами бессмертных поэтов и философов прошлых времен. Время от времени они покидали их, спускаясь на землю то в форме реинкарнации, то в виде вдохновения. На голom каменистом склоне горы недалеко от хижины, где предстояло мне поселиться, росло квадратное дерево.

– Что это за дерево? – спросил я у моего сопровождающего.

– Дерево как дерево, ничего особенного, – ответил он, пожав плечами. – Впрочем, если тебя это интересует, спроси у своего соседа, с которым вас разделяет вон та межа, на которой стоит дерево. Его зовут Геродот, один из первых историков. Ты, возможно, о нем раньше слышал. Он-то уж наверняка расскажет тебе разные побасенки, связанные с историей этого дерева.

– Как? – удивился я. – Весь мой участок за- . ключей между моей хижинной и этим деревом, но здесь будет не более трех локтей, что же можно вырастить на таком клочке зем-

ли?

Сопровождающий развел руками.

– На этой земле вообще ничего не растет, – пояснил он, – поэтому я и предлагаю тебе вступить в нашу артель.

– Все эти философы и поэты работают в вашей артели? – спросил я, обводя рукой склон горы, застроенный хижинами.

– Что ты?! – возмущенно воскликнул сопровождающий. – Это же интеллигенция. Она гордая. Будут подыхать с голода, но никто из них не придет к нам на поклон.

– Чем же они питаются?

– Ничем. Они вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. С началом строительства новой жизни мы взяли на вооружение лозунг: "Кто не работает, тот не ест".

Я подумал, что из сосуда Пандоры Эпиметей вместе с надеждой на лучшую жизнь выпустил, вероятно, и остатки несчастий и пороков, предназначенных для людей, которыми и заразились олимпийцы. И не мудрено, когда у власти встают титаны, "сильные задним умом", подобные Эпиметею.

– Солнце зашло, нужно отдохнуть перед завтрашним трудным днем, – заявил он мне.

– Прошу тебя с утра явиться в контору артели и зарегистрироваться. Вначале ты будешь выполнять очень тяжелую работу, приготовься к этому, у нас вымерли все лошади, вернее, мы их всех съели, тебе придется впрягаться в лошади-

ную упряжь и тащить плуг по полю. Но ничего, у тебя сильные ноги. Советую хорошо выспаться.

Эпиметей, не простившись, повернулся и ушел. Я остался один. Моя хижина светилась насквозь дырами. Как мне в ней жить? Куда 'я попал? И как я найду свое место среди столь необычной публики в качестве лошади? Над этими вопросами предстояло задуматься в мою первую ночь на Олимпе.

7. Разговор с Геродотом

*Зевс Пеласгийский, Додонский, далеко живущий владыка
Хладной Додоны, где селлы, пророки твои обитают,
Кои не моют ног и спят на земле обнаженными!*

Гомер "Илиада" (Молитва Ахилла)

Спать мне не хотелось, и я вышел на свежий воздух, впрочем, в моей хижине, насквозь продуваемой ветрами, воздух тоже был свежим и даже очень холодным. Над косогором Олимпа и квадратным деревом возле моей хижины раскинулось бескрайнее звездное небо. Горный воздух был столь чист и прозрачен, что блеск созвездий и небесных светил ничем не искажался, а все туманы, тучки и облака остались далеко внизу в расселинах пропасти. Я присел на краешек огромного камня, отколовшегося от нависающей невдалеке скалы, и стал любоваться ночным небом. Вдруг до моего слуха донесся приглушенный кашель, и я различил в темноте фигурку человека, прислонившегося спиной к стволу квадратного дерева. По-видимому, это и был тот знаменитый Геродот, которого еще в школьных учебниках называли "отцом истории".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.